

18+ Николай Бенгин

Азехт

САНУМАРНОЎ СЛУЖОЫ

Николай Бенгин
Агент санитарной службы

«Издательские решения»

Бенгин Н.

Агент санитарной службы / Н. Бенгин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-981034-2

Речка Бяка отражала лучи поднявшегося солнца, превращая их в бегущие по потолку зыбкие кружева. Утечки чаще всего именно так и выглядят: танцующие водяные блики от солнца или луны на подходящей поверхности. Красиво и романтично, но, если нет желания стать аномальцем, лучше не смотреть.

ISBN 978-5-44-981034-2

© Бенгин Н.
© Издательские решения

Агент санитарной службы

Николай Бенгин

© Николай Бенгин, 2025

ISBN 978-5-4498-1034-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

.Моей маме посвящается

Двигатель умер, чуть-чуть не дотянув взятую напрокат колымагу до вершины холма. За стеклом было темно и сыро, потому что стояла ночь и накрапывал дождик. В желтеющем свете фар мерцали лужи, покачивала ветвями чахлая берёзка и вылезать из машины страшно не хотелось. «Потому что осень, – думал я, нашаривая на соседнем сидении шляпу, – потому что приличное место „Красным логом“ не назовут, потому что давно пора менять работу».

Через пять минут я целеустремлённо шагал по бетонке, светил по сторонам фонариком, старательно обходил лужи и прикидывал, что пансионат «Красный лог» вот-вот должен уже показаться. Удобный, безо всяких глупых колёсиков, чемодан почти не обременял. Я мысленно хвалил себя за умение не брать в дорогу лишнего. Дождик всё ещё накрапывал.

Через двадцать минут дождь припустил сильнее, и я начал сомневаться, что иду в правильном направлении, что в чемодане только нужные вещи, что «Красный лог» существует в природе. Фонарик потух.

Ещё через пятнадцать минут лило как из ведра, проклятый чемодан весил не меньше центнера, но я уже открывал стеклянную дверь пансионата.

– Добрый вечер! – строго одетый человек с роскошными усами и огромным чёрным зонтом учтиво посторонился, пропуская меня, и исчез в ночи, прежде чем я нашёлся с ответом.

Я уронил на пол теоретически непромокаемый чемодан, стянул с плеч истекающую водой куртку и огляделся. Таких излишеств, как вешалка при входе, здесь не держали, зато неподалёку от двери желтел старый эмалированный таз. Я бросил в него куртку, сверху – то, что раньше называлось шляпой, утёрся мокрым платком и перевёл, наконец, дух. Возможно, «Красный лог» не лучшее место во Вселенной, но, по крайней мере, я добрался.

Широкий и пустынный, как заброшенная взлётная полоса, гостиничный холл наводил на мысли о бренности сущего. По окнам глухо барабанил дождь. Где-то жужжала одинокая муха. Пахло старым деревом, недорогим антисептиком и хризантемами. Обереги безмятежно молчали.

Судя по всему, швейцаров здесь тоже не держали. А жаль. Тихо выругавшись, я направился к маячившей у дальней стены стойке администратора. В ботинках хлюпало и попискивало. Брюки издавали странные лязгающие звуки.

– Человек-оркестр на гастролях, – злобно бормотал я, разглядывая невысокий потолок, глухие стены цвета бордо с одной стороны и тёмные окна с другой. – Где же аплодисменты?

Единственным украшением интерьера, если не считать чахоточной люстры, с трудом разгонявшей мрак, оказалась большая чёрно-белая фотография Альбера с траурной ленточкой через угол. Сия фотография чинно стояла на узком столике посреди холла за графином с тёмно-красными гвоздиками. Я знал эту личность и могу смело утверждать, что фотография явно льстила оригиналу.

По мере приближения к местному «ресепшену», стал слышен и постепенно обрёл членораздельность тихий, убедительный мужской голос. Где-то там за стойкой следователь склонял

злодея к чистосердечному признанию, или врач увещевал душевнобольного не отказываться от медицинской помощи, или...

«Всегда мыслите позитивно», – одна из девяти категорических директив моего руководства.

За стойкой ни следователя, ни доктора не оказалось. В кресле модельного ряда «Офисный планктон» очень прямо сидел молодой темноволосый субъект и разговаривал по телефону. Трубку он держал довольно странно – двумя руками и не около уха, а прямо перед собой, как микрофон.

– Разумеется, – ровным голосом вещал он, – мы сразу вызвали... вызвали скорую помощь... разумеется, бригада скорой... скорой помощи... вполне квалифицирована.

Его собеседник, по-видимому, был не в себе: из телефонной трубки доносились приглушённые крики, поток проклятий перемежался жалобными вопросами. Темноволосый вставлял реплики в промежутки тишины с хирургической точностью и хладнокровием.

«Тут либо обширный опыт работы с буйно-помешанными, либо врождённый талант, – размышлял я, глядя на мерно покачивающийся безупречный прибор. – В любом случае, субъект достоин внимания. Что же, пора начать рекогносцировку».

– Извините, – в моём голосе не было и намёка на извинения, – Вы администратор?

Темноволосый покивал и, не выпуская трубки, вытащил откуда-то снизу блеснувшую медью табличку с выгравированной надписью «Дежурный администратор».

– Этого я не знаю, – всё так же размеренно продолжал он. – Думаю... думаю, за разъяснениями... вам следует обратиться в полицию. Да, я хорошо вас слышу.

Тут он точно не врал – теперь и мне было прекрасно слышно его собеседника.

– Простите великодушно, – с вежливой улыбкой я перегнулся через стойку и выхватил трубку.

– А ну, заткнись!! – заорал я в телефон. – В тюрьму захотел?! Специально работу срываешь?! Объяснять потом будешь! Не отходи от аппарата, сейчас тебе позвонят.

– Ну вот, – я протянул плакающую короткими гудками трубку, – он сам закончил разговор.

– Да – да, я слышу. – Молодой человек поставил телефон заряжаться и, наконец, взглянул на меня безмятежно голубыми глазами. – Вы что-то хотели?

– Разумеется. Во-первых, я хотел бы знать, с кем разговариваю. Во-вторых...

– Минуточку, – он выудил из ящика полоску бумаги и начал аккуратно вставлять её в специальный кармашек на медном Дежурном администраторе. «Баклаковский Админ Ерофеевич». Чёрным по белому, безо всяких завитушек. Аккуратно, как причёска самого Админа.

– Во-вторых, – неумолимо продолжал я, – мне необходим ном...

– Это ка-ак же-е?!!

Женщина кричала из-за моей спины. Я не заметил её появления, а вот это уже никуда не годилось.

– Опять помойка, да?! Ноги вытереть неохота?!!

– У вас есть курортная карта? – молодой человек завершил процесс вставления бумажки и смотрел на меня с доброжелательностью мраморной кариатиды.

– Минуту, – я всем телом развернулся на вопящую бабу и сразу увидел её слабое место. Пятая чakra просто умоляла, чтоб по ней кто-нибудь врезал...

– Наталья Игнатьевна. – Голос администратора лишь чуть повысился, но тётка сразу перестала орать. – Где товарищ Калинин?

– Да где же ему быть? Здесь он.

Из-за её спины показался невзрачный человек, с печатью виноватости на челе и готовностью услужить в остальном теле.

– Пожалуйста, принесите сюда вещи нашего гостя, – распорядился Админ.

Что поразительно – обереги молчали. Я, в общем, не новичок в своём деле и могу отличить вурдалака от малярийного комара или, например, смекнуть, что пора вызывать подкрепление. Ну, допустим подкрепление пока ни к чему, но чего обереги-то молчат?

– Так у вас есть курортная карта?

– Нету. – Я ещё раз взглянул на тётку. Та остервенело орудовала шваброй у дверей. Непосредственной угрозы оттуда не исходило. Допустим. А что – товарищ Калинин?

– Хотите оформить карту?

Пришлось снова поворачиваться к Админу. Подо мной натекла уже порядочная лужа. Будь ботинки посуше, я бы ни за что в ней не остался, да и так противно.

– Не уверен. Я здесь в командировке дня на два-три, как получится. У вас ведь можно остановиться?

– Да, в этом смысле вам повезло. Только сегодня после ремонта мы ввели в эксплуатацию третий этаж. Любой из двенадцати номеров в Вашем распоряжении. Безусловно, они различаются по цене и комфорту.

– Очень хорошо. Комфорт меня интересует, цена – нет.

Из-за спины Админа послышался негромкий металлический шелест, и один из моих оберегов ощутимо дёрнулся. Звук шёл из настенных часов. На первый взгляд обычные старосоветские канцелярские часы в большом деревянном футляре с толстым маятником внизу. Но бдительность – это наше всё. В таких артефактах встречаются разные начинки, в том числе ядовитые. Как-то раз пришлось удирать, причём самым недостойным образом, от проклятия, которое жило в древнем измельчителе бумаг. Тут главное – вовремя среагировать.

Пошелестев, часы скромно тренькнули. Стрелки на циферблате показали половину двенадцатого. Ничего не произошло.

– Ваш паспорт, пожалуйста.

Я не глядя протянул Админу паспорт. Часы мягко тикали, ничто оттуда не потекло, не вылетело. Похоже, оберег сработал на эхо. Как это по-научному? А, да – «наведённый пост-эффект». Ну, в этом пансионате есть чего наводить, такой фон – мурашки по коже. Хотя чисто внешне – всё более-менее прилично.

Деликатно звякнув эмалированным тазом о кафель, товарищ Калинин разогнулся, неуверенно взглянул на Админа и, не дождавшись реакции, отправился за чемоданом. Да, надо признать, персонал здесь дисциплинированный, но воду из таза можно было бы и слить.

Пока Админ трудолюбиво заполнял формуляр, я осмотрелся. Холл, как весь остальной пансионат, наверняка был спроектирован и построен специально для отдыха неизбалованных советских трудящихся: простенько и не сказать, чтобы со вкусом, зато без новомодных выкрутас и претензий на высокий стиль.

Между прочим, на широком простенке, отделяющем уходящую вверх лестницу от стойки администратора, обнаружилось внушительное произведение искусства – большое мозаичное панно. Там, на фоне бескрайних полей, две женщины с неестественно толстыми ногами, запрокинув головы, смотрели на пролетающий в ярко-синюшном небе аэроплан. Некоторую живость самолётику придавало упорное жужжание ночной мухи. Панно как панно, мне таких много пришлось осматривать – жуткий депресняк под маской бодрого реализма. Альберу такие штуки, помнится, нравились.

Я покосился на таз, в котором плавали куртка и шляпа. Надо будет как-то их высушить за ночь. Возможно, тут есть своя прачечная и, например, сушильный агрегат. Вряд ли, конечно.

Админ заканчивал заполнение формуляра, когда по лестнице спустилась рыжеволосая красotka и молча пошла в сторону выхода. Ни зонта, ни плаща при ней я не заметил, похоже ливень на улице её не волновал.

– Уже? – В голосе Админа я уловил нотки тревоги.

– Ага, – женщина всё-таки притормозила у дверей и принялась что-то искать в карманах.

– И в Шестом номере прибралась?

– А как же.

– На Третьем этаже надо было ещё раз подоконники протереть.

– Не. Там свет погас, – женщина выудила из кармана что-то вроде целлофановой косынки, накинула на голову и исчезла в ночи.

Стервозная баба со шваброй, она же Наталья Игнатьевна, медленно выпрямилась. Товарищ Калинин, спешивший с моим чемоданом, перестал спешить. На секунду мне показалось, что дождь больше не стучит в окна, канцелярские часы перестали тикать, а муха сдохла. Админ, склонив голову, задумчиво разглядывал только что заполненный формуляр.

– А что? – в гулкой тишине осведомился я. – Электрика нельзя позвать?

– Можно, – пожал плечами Администратор, – только он всё равно не придёт.

– Пьющий?

– Не пьющий, но суеверный, – Админ небрежно бросил формуляр на стол. – Значит, сейчас ничем не могу вам помочь. Мест нет.

– То есть как? – Я с новой силой ощутил воду в ботинках. – Мне много не надо: душ погорячее, сухую кровать и всё.

– Увы. Третий этаж, как вы слышали, не в доступе, а на Втором – практически всё занято.

– Почему, «не в доступе»? Я пока без света обойдусь. А завтра ваш электрик всё починит.

– Увы, – с нажимом повторил Админ. – Третий этаж закрыт. Электрик туда и днём не пойдёт. На то у него веские, хотя и нематериальные причины.

– И что? Совсем ни одного свободного места? – пришла пора намекнуть, кто здесь кто. – Значит, так. Я работаю в Санитарной службе, и мне не хотелось бы с самого начала предвзято относиться к состоянию Вашего заведения...

– А я так и думал: беда не приходит одна.

– Что такое?

– А до Вас сегодня уже пожарный инспектор приходил. Правда, он умер.

– Ого!

– Вот именно. А что касается свободных номеров, то да: есть один, в конце коридора, но я категорически его не рекомендую – воняет.

– Сильно?

– В общем, уже не очень. Видите ли, там умерла кошка. Она и пахнет.

– ???

– Что вы так смотрите?

– Убрать не пробовали?

– Вот как раз старый хозяин и хотел убрать, – Админ кивнул в сторону траурной фотографии. – Вошёл туда, да и сам помер. А народ тут сплошь суеверный, больше в тот номер никто ни ногой.

– Значит, там не только кошка лежит?

– Вы насчёт хозяина? Так с ним всё в порядке – похоронили как надо, по первому разряду. Он-то прямо в дверях упал, вот и вытащили. Повезло в этом смысле. Но, вообще, ситуация напряжённая, – в голосе Админа послышалась меланхолия. – Видите ли, последнее время у нас наблюдается повышенный уровень смертности, как среди гостей, так и среди обслуживающего персонала. К нам милиция, то есть, извините, полиция хорошо ездит: сразу как вызываем, приезжают, и потерь у них нет, а прокурорские – ни ногой, потому что их тут трое полегло.

– Отчего?

– А от разных причин: один морковкой в буфете подавился, так и не откачали, другой с инфарктом до больницы не доехал, третий – застрелился.

– Вот так просто застрелился?

– Да. Я, можно сказать, сам видел. Он тут передо мной стоял, точь-в-точь как Вы, а кто-то ему позвонил. Переменился он в лице, положил аккуратно телефон мне на стойку и ушёл в туалет. А потом хлопок, не сказал бы, что громкий, и всё. Одним прокурором меньше стало.

– Ничего себе!

– Вот именно. И с медиками тоже проблема: приезжают, конечно, но приходится ждать, пока бригаду соберут. К нам, видите ли, только мужского пола доктора ездят. Все девушки отъездили. Вы не думайте, с ними ничего плохого не случилось, хотя кому как, конечно. В общем, забеременели они. Все.

– Что, прямо здесь и забеременели? – Я внутренне подобрался: дело поворачивалось в совершенно нехорошую сторону.

– Здесь или не здесь, я не знаю. Не присутствовал. Но факт, что все. У них там фельдшер работала, Зинаида. К ней ни один мужчина по своей воле ближе трёх метров не подходил. Лет сорока пяти, сурового нрава, грузная такая женщина – килограмм под сто двадцать и не сказать, что на лицо привлекательная. А тоже, раз приехала к нам по вызову и через положенное количество недель – в декрет. В общем, у кого проблемы с этим делом были – все у нас отметились, теперь счастливы, а молодые незамужние – ни ногой.

– Удивительно, что вас до сих пор не закрыли.

– А пыталось районное начальство, но всё как-то не успевало – то снимут со скандалом, то ЧП крупное случится. А тут и вовсе, наш район упразднить решили, укрупнить, то есть, путём слияния с соседним. Ну что, всё ещё хотите заселиться?

– Да!

– В таком случае, могу предложить такой вариант: на одну ночь можете разместиться в Шестом номере, но завтра до расчётного часа, то есть до двенадцати дня надо будет освободить. Устраивает?

– Вполне, но..., – я заметил странный огонёк во взгляде Админа, – но, там всё нормально? Не воняет? Труп под кроватью не прячется? Вода в кранах есть?

– Вода есть и ничем таким не пахнет. Вы же слышали: там только что убились...

– Но?

– Но завтра до двенадцати он должен быть свободен. Видите ли, – после некоторой паузы продолжил он, – этот номер бронирован и уже давно. Пока бронью никто не пользовался, и мы иногда заселяем туда, но только до расчётного часа, хотя...

Админ умолк и принялся внимательно разглядывать мой формуляр.

– Хотя, что?

– Решительно не советую. Я сам не суеверный человек, но имеется статистика: за последний месяц ещё никто до расчётного часа не дожил.

– Ага. И там, значит, помирают?

– Да, нет же, не там. Вот сегодня, например, пожарный инспектор. Уверенный такой, я бы сказал, резкий человек заселился в Шестой и тут же приступил наше противопожарное состояние осматривать. Так вот, полез он на чердак и нашёл сразу ящик огнетушителей. Я согласен, не на месте они хранились, ну составил бы акт или чего там полагается. Короче говоря, поволок он ящик, оступился на лестнице и этими же огнетушителями накрылся. Вот вы слышали, его начальник только что звонил.

– Давайте ключи.

– Пожалуйста. – Он протянул ключ, но в последний момент чуть отвёл руку. – Ещё хотел Вас предупредить, если надумаете в наш бар пойти. Там одна девушка сейчас сидит. Вы с ней

не связывайтесь. Если заговорит, не отвечайте. Начнёт приставать – громко зовите администрацию, то есть меня.

– Проститутка?

– Хуже! Видите ли, ей ещё не исполнилось шестнадцати, а выглядит на все двадцать пять и одевается соответственно.

– Кошмар.

– Вот именно. А потом визг, крики, наряд милиции, растление малолетней, суд, тюрьма.

– А чего это у вас несовершеннолетняя в пансионате одна проживает?!

– Почему одна? У неё старший брат есть, как раз в милиции работает. Он, если не на службе, у нас всегда ночует.

– Угу.

– Да. Извините, хотел вот ещё о чём предупредить: там по соседству от вас, в Седьмом номере, пенсионер живёт.

– Вурдалак?

– Нет, конечно, но с причудами. Видите ли, это очень пожилой человек, чрезвычайно щуплый на вид, но в прекрасной физической форме и с твёрдыми политическими взглядами. Всех наших гостей он склонен считать демократами, либералами и, соответственно, Пятой колонной иностранной разведки. Если встретитесь с ним в коридоре, пожалуйста, не вступайте в полемику.

– Постараюсь.

– Да, постарайтесь, пожалуйста. Он, как правило, тихий, но под настроение вдруг начинает выкрикивать патриотические лозунги, легко переходит на личности и, кроме того, у него палка есть для ходьбы. Так он её сразу в ход и пускает. Драка, наряд милиции, хулиганство с отягчающими, суд, тюрьма.

– Что, только такая последовательность?

– Не обязательно. Возможно: драка, травмы, реанимация, морг.

– Э-э-э... и почему дедушка на свободе?

– А по двум причинам. Во-первых, сам он – очень заслуженный ветеран, а его любящий племянник – начальник городского отдела ФСБ, а во-вторых, как выяснилось, это был несчастный случай, дедушка там и рядом не проходил.

– Понятно. А как у вас тут насчёт маньяков? Водятся?

– Нет, такого пока не замечалось, и хочу заверить, что мы, со своей стороны, всячески оберегаем покой и безопасность наших гостей.

– Не сомневаюсь.

– Например, после сегодняшнего случая, Порфирий Ильич... вы его при входе, наверно, встретили. Представительный такой мужчина, сейчас исполняет обязанности директора. Так вот, Порфирий Ильич распорядился при малейшей опасности, не дожидаясь травм, готовить перевязочные материалы и выдавать защитные каски.

– Ключ дайте!

– Пожалуйста! Товарищ Калинин! Помогите нашему гостю отнести вещи.

– А вы не могли бы сказать товарищу Калинин, чтоб слил куда-нибудь воду из таза? Я же собираюсь стирать в нём куртку! И, кстати, тут есть прачечная? Надо бы всё это высушить.

– Хм-м, – перегнувшись через стойку, Админ некоторое время созерцал обстановку у меня под ногами, – да, разумеется. А Вы не могли бы разуться?

– Это ещё зачем?

– В Ваших ботинках, по-видимому, чрезвычайно много воды. Мы с Натальей Игнатьев-ной были бы признательны, однако боюсь не встретить с Вашей стороны понимания.

– Правильно боитесь.

– Что ж, это ваше право. Что касается прачечной, то сейчас она, по ночному времени, закрыта, но утром – милости просим. Товарищ Калинин, не надо носить одежду нашего гостя в тазу. Несите отдельно и постарайтесь, чтобы с неё не капало, а таз оставьте здесь.

Прежде чем я успел ахнуть, товарищ Калинин одним движением скрутил куртку вместе со шляпой, и вода хлынула в таз. Потом, радостно покивав мне, он закинул получившийся жгут на плечо и, подхватив чемодан, направился вверх по лестнице.

Меня часто упрекают за резкость и неделикатность в общении с людьми. Совершенно напрасно. Вот, например, товарищ Калинин остался жив.

Шестой номер выглядел прилично. Ванна сверкала белизной, в просторной спальне помещалась необшарпанная кровать в компании с телевизором и холодильником. Имел место балкон. Хорошо, но, шутки шутками, а «ни один не дожил до расчётного часа» – прозвучало внушительно. Я походил по номеру, поставил в нужных местах защитные печати, подумал немного и вскрыл пакет одноразовых оберегов. Завтра к полудню они превратятся в обычные резиновые колечки, но лучше ненависть снабженцев, чем соболезнования коллег.

Не обманул Админ – вода из крана текла, и холодная и горячая. Я стоял под душем и наслаждался теплом. Одежда обсыхала на вешалке. В комнате ждала постель. Мои скромные желания как будто исполнялись, что настораживало. Потом хронометр на руке просигналил полночь, и всё стало на места: один из оберегов задёргался, как припадочный. Я вылез из-под душа, выяснил, что сигналит курий-бог. Ничего особенного – всё то же эхо, но сам обег выглядел как-то не так. Тяжело вздохнув, я выключил воду, не торопясь вытерся и, усевшись на край ванны, стал разглядывать кусок кварца с дыркой посередине. Курий-бог – это в основном сигнализация, причём бестолковая, но иногда – последний рубеж обороны. Чем больше я смотрел, тем меньше нравилось то, что видел. С одного края кварц не просто потерял прозрачность – часть камня стала угольно-чёрной. Тут возможны два варианта: либо я угодил под ультра-активную утечку и ухитрился этого не заметить, либо курий-бог сломался сам по себе. Никогда не слышал, чтобы эти штуки просто так ломались, но не почувствовать, что ошпарился – тоже, по меньшей мере, странно.

Я покосился на зеркало – совершенно лысый, расписанный татуировками и увешанный браслетами голый мужик изучает красивый камешек на цепочке. Местным борцам за нравственность можно уже подниматься по тревоге. Хотя, в свете последних событий, местные наверняка обходят Красный лог за километр и, положив руку на сердце, правильно делают.

Кто-то отправил Альбера, как говорится, в дорожку, и если следом отправлюсь я, сюда, без вариантов, пришлют бригаду уборщиков. Это ребята серьёзные. Никаких подозреваемых, никаких свидетелей, никаких улик. Вместо пансионата – полигон за колючей проволокой для складирования вредных отходов. Всё.

На столике рядом с койкой лежала аккуратная стопка местных буклетов. Посмотрим. «Город Вперёдск и его окрестности». Несколько видовых снимков так себе качества и рекламка местной адвокатской конторы. А вот интересный буклет: «Балийский массаж в г. Вперёдск. Тихоокеанская экзотика на ул. Совхозная». Пальма, свечки, крашеная блондинка улыбается. Всё на месте. «Вперёдские дали. Достопримечательности г. Вперёдска». Тут и достопримечательности есть? А чего же не быть? Вот: «Памятник покорителям науки», «Древние курганы в излучине реки Бяки», а вот и «Красный лог – жемчужина Бяки». На снимках пансионат смотрится солидно. Убогость архитектуры тает в роскоши окружающих пейзажей и ретуши фотографа. С высокого берега сквозь кроны сосен смотрят вдаль ряды опрятных балкончиков. Наверно, и с моего балкона хорошо видать, когда ливня нет. Например, те же курганы.

Перед тем как лечь, я ещё раз проверил защиту номера, самый надёжный оберег – девятимиллиметровый Walther P99 сунул под подушку и выключил свет. В темноте и думается легче, и незваных гостей встречать удобнее.

То, что рассказал невозмутимый Админ, определённо пахло утечкой. Черета тех же прокурорских кончин, чисто теоретически, могла быть стечением обстоятельств, но вкупе с суровой статистикой моего Шестого номера – ни в коем разе. На ровном месте утечки случаются редко, но есть, так сказать, «нервные места» за которыми – глаз да глаз.

Обнаружение и беспощадная ликвидация утечек в таких зонах – прямая служебная обязанность смотрителей. По-всякому, конечно, бывает. Вот, например, Альбер со своими обязанностями, похоже, не справился.

Собственно говоря, то, что обереги помалкивали, обнадеживает. Альбер – свой, и, значит, ничего, кроме следов отчаянных его усилий взять ситуацию под контроль, местная аура не содержала. Ну или почти ничего.

Я переложил вальтер поудобнее и уставился в потолок, – если поразмыслить, всё равно непонятно, почему обереги на того же Админа не реагировали. Я определённо чувствовал, что от него фонит. Не могли же они все разом сломаться? Или могли?..

Кто-то тихо сопит у двери номера. Интересно, что я не услышал, когда этот «кто-то» появился, а слух у меня довольно острый. Что же, милости просим на мою территорию. Чем хорошо приезжать на ночь глядя – клиенты сами сразу на разведку идут, крадутся, не теряя времени, прямо в капкан. Нынешний, правда, не спешит. Так и я не тороплюсь. Он сопит. Я лежу. Он в холодном коридоре, я в мягкой койке.

Да, сплеховал Альбер, не продержался до подкрепления. Небось, гонцов слал, сигналил, а никто – ни гу-гу. Известное дело – пока весточка по всем Инстанциям тащится, сорок дней, вынь-да-положь. Вот если дуба врезать – другой коленкор. Три дня – на четвёртый мы уж тут как тут.

А вообще, мутная история. Когда местные мрут наперегонки – одна тема. Если женский пол беременеет без остановки или сплошь двойни-тройни идут – иной разворот, но не может из одной дырки сразу и кипятик хлестать, и лёд сыпаться. Если, конечно, две утечки синхронно... ну... никогда о таком не слышал.

Сопельщик под дверью, похоже, передумал. Ясно слышны удаляющиеся шаги. Не решился подлец в гости зайти. Жаль. А шаги странные: редкие, твёрдые, но не звонкие – словно калошу на копыто надели. Выскакивать следом – не резон. Во-первых, скорее всего не догоню, во-вторых, бегать по коридорам в голом виде – моветон. Ну и чёрт с ним. Я ещё некоторое время таранился в потолок, потом закрыл глаза. Сон у меня не как у порядочных людей, а исключительно по служебной надобности – для слушания личного эфира. Вдруг Канцелярия что срочное сообщить хочет. Поэтому с чистой совестью, в тёплой койке...

Через полтора часа убедился, что никто ничего сообщать не желает, что местные интеллигентны – подлые ленивые трусы, и, значит, надо самому идти на охоту.

Оказывается, зря я о чемодане нехорошо думал. Он насквозь почти и не промок. Внутри только немного всё влажное, но вода не хлопает. Ругаясь сквозь зубы, я натянул холодную сырую рубашку и всё остальное. С другой стороны, сам виноват. Мог бы сразу чемодан распаковать. Оно, конечно, ничего бы не высохло, но хоть согрелось.

Скрытые светильники выхватывали из полумрака сверкающую стеклом и бронзой стойку бармена. Свисающие вниз головой бокалы отбрасывали рассеянный свет на низкие столики, массивные стулья и ещё более массивные диваны по углам.

Рабочее место за стойкой пустовало. Всё прибрано и, похоже, закрыто до утра. Тем не менее, посетители были налицо. Двое мужчин оживлённо беседовали на фоне полуночного

окна. Один что-то яростно доказывал, другой очевидно сомневался. При моём появлении оба оглянулись, причём тот, что доказывал, невежливо сморщился.

– Бар закрыт, – сообщил он. – Откроется завтра в пятнадцать ноль-ноль.

– Понятно.

– Только заселились? – осведомился другой.

– Да. Вот думал еду найти, – соврал я.

– Бар закрыт, – повторил Капитан Очевидность.

– Фисташки устроят?

Похоже, собеседнику Капитана уже осточертел спор, и он жаждал разбавить компанию.

Что же, я всегда готов помочь. Если это совпадает с моими планами.

– Пётр, – представился я, пододвигая тяжеленный стул к их столику.

– Игорь, – протянул руку тот, что предложил фисташки.

– Алексей Григорьевич, – степенно кивнул Капитан Очевидность, – Стаканов.

Я не торопясь огляделся. Пара деталей определённо выбивалась из картины классических мужских посиделок с пивом, водкой и умными разговорами под шум дождя. Прямо перед Алексеем Григорьевичем среди непчатых и вскрытых банок пива желтел череп. Натуральный, хорошей сохранности человеческий череп лежал макушкой вниз на невысокой подставке. В глазницах поблёскивал полированный камень. Нижняя челюсть отсутствовала, зато верхнюю украшал частокोल чёрных зубов.

Вторая деталь была прозаичнее – Алексей Григорьевич отдыхал босиком.

– Надолго к нам? – дружелюбный Игорь подвинул мне блюдо с орешками и одну из пивных банок, теснившихся на столе.

– Благодарствую. Да нет, я тут в командировке. Думаю, за пару дней управлюсь.

– Командировочный, значит, – заключил Стаканов и сердито уставился на череп перед собой. – Из Москвы, небось?

Я кивнул.

– Москвич, значит. А мы вот – местные. И все интересы наши тутошные, почвенные, глубинные, значит, интересы.

– Да-а, – подхватил Игорь, – мы уже три недели как местные.

– Это – ты, – обрезал Стаканов, – а я, почитай, более месяца в свою малую родину врас-таю.

– Красивая у вас малая родина, – покивал я, – даже древние курганы есть. Наверно, историй тут много про них, легенд всяких.

– Места здесь красивейшие, – легко повёлся Стаканов, – воспетые во множестве древних текстов на самых различных языках. Это сейчас тут, с позволения сказать, глубинка, а раньше-то Средина мира стояла. Вы, вот знаете, что Нибелунги родом из этих мест? А само имя их: «Нибелунги» – происходит от названия нашей реки Бяки?

Игорь, пробормотав что-то невнятное, присосался к банке пива. Я мало знал о Нибелунгах, подозревал, что про Бяку утверждение спорное, но меня интересовал череп. Если эта штука – то, что я думаю, надо вызывать сапёров. А ещё меня интересовали курганы.

– Так это от Нибелунгов курганы остались?

– Нет, курганы – от махараджей.

– Это которые индусы?

– Они потом индусами стали, а сначала тут жили.

– А-а, – я слегка сбился с темы. – Что, прямо тут?

– Разумеется.

– Коньяк будете? – невпопад осведомился Игорь.

– Печально, Игорь, – Стаканов энергично постучал ногтём по жёлтому темени. Ничего не произошло. – Весьма печально, что Вас не интересует родная история.

– С Вятки я родом. У нас другая история – попроще. Зато наша. Так что, примем на грудь?

Я не возражал. Стаканов хмуро кивнул. Игорь вытащил из-за пазухи ёмкую на вид бутылку. «Сейчас, – подумал я, – он всё выльет вовнутрь черепа, и мы пустим его по кругу, а закусывать будем фисташками. Кровавые Боги Месопотамии отдыхают».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.